

Петр Разумов
СРОК – СОРОК

трилогия

ЛИМБУС ПРЕСС
Санкт-Петербург

КЛЕТКА

книга о выздоровлении

И пустая клетка позади.

О. М.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Здравствуйте! Я пока не знаю, как сложатся наши отношения, уважаемые читатели, но заранее, когда ещё только приступаю к написанию книги, говорю вам: мне очень дороги вы и наше общее дело – мой рассказ о своей жизни и болезни и ваше ко мне теплое отношение. У вас ведь тоже была своя жизнь, были болячки, трудные ситуации, в которых вы оказывались, из которых потом выбирались или сейчас выбираетесь...

В общем, нам всем бывает трудно и радостно потом, когда основная часть страшного испытания позади.

Мне тридцать восемь лет. Я инвалид второй группы с диагнозом «биполярное аффективное расстройство», по-старому «маниакально-депрессивный психоз». Я хочу вам рассказать, как я заболел, как выкарабкивался на свет божий после параноидального бреда и тяжёлой фармакотерапии, как меня поддерживали и не поддерживали, помогали и мешали, как я познавал себя, потому что...

Потому что когда оказываешься один на целом свете и перед тобой разбитая жизнь, то единственное, что ты можешь сделать, – это подумать. «Во mnogой мудрости много печали», – говорит нам главная книга, но она, боюсь, не права. Самопознание – это то, ради чего существует мир и человек в нём. Вернее, мир существует, но человек в нём пребывает только в том случае, если он понимает, что делает здесь, как очутился в столь прекрасном или страшном месте и что можно сделать, чтобы плохого было меньше, а хорошего больше. Для этого нужен анализ. Ум. А ум – вещь скользкая, он может только казаться умом, составлять некую рациональную матрицу, схему, объясняющую наше повседневное поведение. А за этим иногда скрывается совершенно иное. Вот вышел человек за хлебом в магазин. Цель – хлеб. А на самом деле, возможно, он просто хочет прогуляться с сигареткой в зубах, или ему лень делать уборку и он нашёл удачный повод слинять из дома, или он встревожен в ожидании важного звонка и бежит, чтобы физически прожить своё беспокойство. А цель – хлеб. Вот ум и всё, что связано с раздумьями, интерпретациями, – это зачастую просто беглое перелистывание внешних обстоятельств жизни, не касающееся ее основы – того, что реально движет и стимулирует, заставляет, что переживается нутром...

В своей книге я хочу рассказать о том, как мне пришлось не просто подумать о своей жизни,

а всего себя перелопатить только для того, чтобы эта жизнь вообще длилась, состоялась как процесс, попросту была. Сначала хоть какая-то. Но со временем всё более интересная и манящая. Сейчас у меня уже есть любимое дело, учёба, мечты, любовь... С работой вот только не очень. Но, возможно, эта книга что-то изменит.

Пожелайте мне удачи.

* * *

Случилось это неожиданно. Как именно, я даже не понял – что-то произошло, и всё изменилось.

Мне показалось, что я простужен. Была бессонница два дня или больше, ощущение высокой температуры. Всё это сопровождали воспоминания. Это походило на опьянение от конопли. Такой «бэд трип», как говорят любители, или попросту «измена». Я вспомнил один эпизод на тот момент годовалой или двухгодовалой давности. Как мы с приятелями-литераторами пили коньяк на скамейке недалеко от кафе, где только что закончился литературный вечер в рамках пятого «Майского фестиваля новой поэзии». Мне было двадцать шесть лет, я был красив и молод. Недавно познакомился с поэтом и прозаиком Михаилом К., и в первый же вечер он угостил меня водкой и сказал, в частности: «...Но трахаться мы не будем». На что я ответил: «Эх, Миша, тело – это всё, что у нас есть!» Эти мои слова, видимо, произвели на него сильное впечатление.

Он был высокого роста, долговязый и даже, если можно так выразиться, колченогий, со слег-

ка сдвинутыми друг к дружке коленями. Овальное лицо и слегка тронутый сединой хохолок, коротко стриженный жёсткий волос, очки, странный дедушкин плащ с подкладкой и шапка-ушанка. Стоял лютый мороз. Зимой 2005–2006 года в Питере было невыносимо холодно, так что лицо горело. Странно, что в такую погоду я выбрался на литературный вечер. Поэт Вадим К. мне не очень нравился, но был тогда в моде. Миша задал ему какой-то вопрос, я заинтересовался. После чтений подошёл к нему и подарил свою первую книгу. Сказал, что нас знакомил Стратановский на своём вечере в Музее Набокова, где я работал арт-менеджером, т. е. попросту организовывал литературные вечера раз в неделю без бюджета и зарплаты. Так завязалась наша «дружба».

На прощанье я ему сказал: «...Но я не гей». «Я тоже», – ответил он. Это, с его стороны, была ложь, но его мало интересовало, что я не такой, как он, и что его тело меня не привлекает. Он был одержим моим талантом. Я начал писать «отвязные» тексты, наполненные намёками и откровенным гомоэротизмом. Мне льстило, что такой уважаемый человек, которого печатает «Вагриус», у которого своё известное издательство, заинтересовался мной и восхитился моими новыми стихами. Видимо, я был страшно одинок и потерян. К тому же жажда славы, желание просто поделиться тем добром, которое оказалось у меня в руках, подогревали мой зуд, мою ненасытную потребность

в общении. Мне было нужно кому-то передавать свои чувства и мысли, мне было необходимо, чтобы меня любили! Любили страстно, отчаянно, обожали! Всё это было мне дано.

* * *

Мой первый бред имел все признаки паранойи. В принципе, сюжет такого путешествия обычно один и тот же. Заговор, бред преследования. Можно не читать мою книгу, а посмотреть фильм «Игра» с Дугласом в главной роли. Есть и другие книжки, художественные. Например, «Маятник Фуко» Умберто Эко.

Но я пишу свою «Клетку», и думаю, что она добавит некое мясо к уже имеющимся свидетельствам.

Базовым ощущением, которое я испытывал, был страх. И чувство вины, пронзительное, до слёз одуряющее. Мне казалось, что там, тогда, на той скамейке, я разболтал наш с Мишей секрет, и всем стало очевидно, что я обманываю его и пытаюсь на этой теме как-то разжиться.

Мне вспоминалась не только эта пьянка, после которой я проснулся на кухонном диване в двухэтажной Мишиной квартире и полчаса, кружка за кружкой, отпаивался зелёным чаем «Мэтр», который незадолго до этого сам же подарил Мише на день рождения...

Спустя неделю после этого случая я поехал в Москву читать свои новые стихи. И там попал на

«День рождения» знаменитого клуба «Билингва», где был книжный магазин и в котором проводились литературные вечера. Там я столкнулся с Дániлой Т., известным функционером и поэтом, очень душевным и проницательным человеком. Он участвовал в пьянке на скамеечке и потом в Мишиной квартире. Весь тот год я не помнил, что было в клубе, алкоголь вычеркнул из памяти все воспоминания. И московский разговор с Дániлой забыл, как и первый эпизод.

И вот теперь, лёжа поздней ночью под одеялом в своей спальне, я вспоминал и фантазировал, как бы продолжая сюжеты и намёки, реализовывая бессознательные и вполне конкретные страхи и комплексы, погружая себя и своё тело в озноб и сумрак паранойи.

Мне грезилося, что существует королева и король от литературы. Королева, реальная филологичка Людмила С., живёт в Петербурге, пишет книги о современной поэзии и тайно руководит литераторами, приближенными к некоей небольшой масонской ложе, главная фишка которой – служение Великой России и приумножение её славы, величия и богатства. А я, паскудёныш, пробрался в эту тусовку, устроил балаган и изогал всё светлое и доброе, что есть в поэзии и тех людях, которые при дворе и служат Свету.

Король – известный московский поэт Николай К., гомосексуалист. И он возглавляет другую тусовку, которая очень ревностно относится

к своим членам, оберегает их и не терпит никакой двуличности от тех, кто хочет иметь с ней дело. Он тоже в ярости от того, как я надул Мишу, как использовал его имя.

Мне казалось, что Данила Г. отвёл меня после чтений и возлияний в клубе в пустое помещение и провёл разъяснительную беседу. Разъяснял он не мне, а сам задавал вопросы, пытаюсь понять, какую я занимаю позицию и не могу ли навредить Мише, королю или ещё кому-то, кого вплёл в свои махинации. То ли он гипнотизировал меня, то ли я сам спрашивал, владеет ли он гипнозом. Очень удивлялся моим ответам, охал, говорил, что видит такого человека впервые, что я в опасности и т. д.

Самое интересное, что, скорее всего, такой или похожий разговор был в действительности, но, поскольку я был тщательно проспиртован, он стёрся, а сейчас стал прорезываться и наполняться новыми деталями. Я вспоминал час, другой, всю ночь, потом днём.

Я вызвал участкового терапевта с жалобой на озноб и бессонницу. Думал, у меня грипп. Еле передвигался, почти не ел. Потом пришёл на приём сам. Участковая спросила:

- Так зачем же вы пришли?
- У меня температура, слабость. Я болен.
- Нет у вас температуры.

Потом она посмотрела на меня мудрым глазом и сказала:

– А давайте вы сходите в наш районный ПНД*, вы ещё успеете, они работают до восьми.

И я пошёл.

* * *

Болезнь меня скосила. Она разом отняла у меня то, что я в себе так любил, не зная, как это важно. Это, прежде всего, яркость эмоций.

Раньше, до лечения, моё тело радовалось каждой малости. Даже сигарету, которую я привычно закуривал спустя десять лет от начала курения, я чувствовал, она «втыкала»...

А теперь всё оборвалось. Я спросил заведующего дневным стационаром, можно ли мне курить. Он ответил, что это «на ваше усмотрение». Я вышел во двор и затянулся. Я ничего не почувствовал. То есть вообще ни-че-го. Это отупение потом длилось не месяц и не год, мне пришлось доставать себя из могилы, где только ватный серый сумрак. Я ощущал своё тело закапсулированным в какой-то скафандр, под которым можно дышать, но невозможно ничего почувствовать от того, что снаружи. Ничто внешнее не доходило до меня. Как будто выключили солнце.

Понятно, что отчасти это был побочный эффект нейролептиков, которые мне прописали. Но без них, как оказалось, я не мог обойтись. Я перестал принимать лекарства через несколько

* ПНД – психоневрологический диспансер.

месяцев, когда меня отпустили в свободное плавание, выписав из дневного стационара, но вата осталась. А ещё через год я снова загремел в ПНД, и это было ещё более драматично.

КАК Я ЛЮБЛЮ ПИСАТЬ

Недавно моя девушка спросила меня, что я люблю? Я стал думать и перебирать. «Это не то, и это не то... Вот что ты любил в детстве, отчего тебе было хорошо?» И тут я понял: больше всего я люблю писать.

В детстве я часто писался и доставлял родителям массу проблем, потому что если мы куда-нибудь шли, то я терпел до последнего, а потом заявлял: «Папа, всё, я больше не могу терпеть, мне надо пописать».

Думается, я воспринимал мочеиспускание как что-то греховное, что делает уязвимым. Это было для меня стыдно. Поэтому я и терпел, как бы не решаясь об этом даже заговорить.

Писать – это открываться, это эмоциональный выход из тела, это буйство чувств и фантазии. Может быть, я писателем стал от слова «писать», потому что моё письмо чрезвычайно откровенно.

Откровенность пугает чужого человека. Если не подготовить собеседника к тому, что сейчас не просто расскажешь анекдот, а что называется, «откроешь душу», это вызовет оторопь. «Не легко

понимать чужую кровь», – писал Ницше. Не каждый готов принять всю изнанку и «грязное бельё» собеседника. Времена Фёдора Михайловича канули в Лету, да и были ли эти времена по-настоящему, взаправду?

Тем не менее необходимо слушать и слышать. Поэтому я пишу эту книгу.

Проникновение в чужую душу, наверное, опасное предприятие, но хорошая литература делает именно это. И она жива пока.

* * *

Я родился и рос в Выборгском районе на севере Ленинграда, затем Петербурга. Более известен южный район Купчино, куда в лихие девяностые чужаку лучше было не соваться. Но наш «Просвет» (от названия проспекта Просвещения) ничуть не уступал в лихости «южным штатам», и здесь тоже была атмосфера спального района восьмидесятых годов застройки со всеми прелестями той жизни. Наркотики, драки, гоп-стоп. Стритбол во дворе, школьная дискотека, «зависание» по параднякам...

У меня почти нет воспоминаний до одиннадцати лет, но кое-что всплывает, вырезывается из плотного компота забвения. Папа ушёл из семьи, когда мне было восемь лет. Я не помню, что сильно переживал, но, конечно, скучал по отцу. Причину развода родителей я не знаю, вернее, не понимаю их объяснений, просто, как говорится, «не сложилось».

В более старшем возрасте, когда связь с отцом еле-еле теплилась и, возможно, совсем бы иссякла, я спросил себя: «А нужен ли мне вообще отец?» И ответил положительно. Стал сам звонить ему, просить заказать для меня какую-нибудь книгу. Он всю жизнь проработал и продолжает работать, в одной из крупнейших библиотек страны. Сначала библиографом, теперь у него свой проект и отдельный кабинет. По образованию он историк. В юности увлекался литературой, писал очень смешную и трогательную прозу, которую я всегда ценил.

Как-то в подростковом возрасте я стал рыться в родительском архиве, расположенном на нескольких самодельных полках в оконном проёме нашей одной комнаты. И обнаружил там отцовские штудии. Я был очень вдохновлён и решил, что вот оно, то дело, которым стоит заниматься!

Мама у меня архитектор из семьи репрессированного еврея. Родилась в городе Балхаш в северном Казахстане, где дед был в ссылке после червонца сибирских лагерей. Она тянула семью все голодные восьмидесятые и потом лихие девяностые. Когда архитектура перестала кормить, устроилась экспертом в художественный салон на Невском, потом появились подработки, проекты частных домов, перестройки магазинов. Наша семья была сравнительно благополучной.

С нами жила бабушка, мать мамы. На ней держалось всё домашнее хозяйство. Пока мама вкалы-

вала и зарабатывала на хлеб, бабушка трудилась у плиты. Ели мы всегда очень сытно и вкусно.

Бабушка была строгая, одновременно сентиментальная. Вообще, и бабушке, и маме были свойственны перепады настроения от агрессии к мягкости, так что, я думаю, некая незафиксированная циклотимия, которая явно была у них, передалась мне и усугубилась, когда я сам загнал себя в ловушку жизненных обстоятельств, несовместимых со здоровьем.

Отец приехал в Ленинград из Белоруссии. Его отец, мой дед, был военным и служил в Восточной Германии, где папа провел пять счастливых лет своего детства, слушая западную музыку и проказничая. После возвращения в Советский Союз семья осела в городе Гродно на границе с Польшей. Дед сильно пил, и бабушка развелась с ним.

Бабушка по отцу – заслуженный учитель Белорусской ССР. Русский язык и литература. Это она читала мне в детстве Гоголя и Салтыкова-Щедрина, а я катался по полу от удовольствия и смеха. Она во мне души не чаяла. Каждое лето мы с младшим братом приезжали к ней на каникулы. Она тоже вкусно готовила и сочиняла для нас целые сериалы сказок.

К брату Вове я в детстве испытывал сиблинговую* ревность, зажимал его и всячески над

* Сиблинги – братья и сестры или близкие родственники одного возраста, часто пребывающие в ревностных, конкурентных отношениях друг к другу.

ним издевался. Мы играли в военную организацию, и брата я называл не иначе как «майорушка Усик». Помню, он ещё спал в детской кроватке, какую ставят младенцам. Я подкрался к нему и попытался открыть веко и засунуть туда маленькое колёсико от игрушечной машинки. Он очень плакал. В подростковом возрасте у нас были разные интересы. Он занимался спортом: карате, баскетбол. Слушал Мистера Малого (первый русский рэпер, родом из Выборгского района). И одевался в спортивное, первые фирменные шмотки от «Адидас», «Рибок» и «Найк». Я не умел подтягиваться на перекладине, «косил» физкультуру, слушал панк и индастриал, одевался в чёрное и носил ирокез на голове.

* * *

Итак, весной 2007 года я попал в ПНД. Мне прописали «Зипрексу», американский нейролептик. Под ним я почувствовал себя настоящим овощем на грядке. Нейролептик срезает верхний слой эмоций, ты попадаешь в какую-то барокамеру, где можешь функционировать, но прежние краски, цвета жизни, вплоть до вкусовых ощущений, больше не возвращаются. Всё превращается в серое междуумье. Понижается потенция, утром трудно встать, пива не выпить. Во-первых, потому что его нельзя смешивать с лекарством, во-вторых, потому что не чувствуешь от него ни-

какого удовольствия, только ватное отупение и сонливость.

Меня выписали через несколько месяцев, когда дневной стационар закрылся на лето. Я получил рецепт и пошёл в аптеку за «Зипрексой». Ехать пришлось в центр, на улицу Восстания, потому что система распространения лекарств по льготным рецептам работает кое-как. Там меня встретила злобная старушка, которая сказала, что рецепт выписан неверно, в латинском названии допущена ошибка. На следующий день я вернулся в ПНД и попросил переписать рецепт. Участковый врач Елена Николаевна воскликнула: «У меня по латыни была пятёрка, что она о себе думает!» Так меня эта старушка отослала два раза, на третий я просто не пришёл. Ходить было трудно, ноги еле волочились, необходимость спуститься в метро выматывала.

В какой-то момент мне это всё надоело. Я пришёл к Елене Николаевне и сказал, что хочу в больницу. Я думал, что меня ждут светлая палата и внимательный персонал. Я был очень наивен и скоро понял, что это очередная ловушка.

В больнице у меня забрали документы, крестик и всю одежду. Оставили только зубную щётку и шампунь. Одели в пахнущую плесенью робу и отвели в тёмную палату на шесть человек без дверей.

Я попробовал местную еду. Это были три капустных листа в мутной жиже. И хлеб. Я не мог это есть. Мне прописали галоперидол, как и всем

в больнице, потому что ничего другого у них просто не было. Он вызывал сильную жажду. Но пить разрешали только в обеденное время.

Когда пришли родственники, мама и брат, у меня уже сводило живот от голода и жутко чесалась голова, потому что мыться было негде. «У нас баня по четвергам», – заявил дежурный врач. Баня – это когда набивают небольшое помещение людьми и откуда-то сверху, как в нацистских лагерях, течёт тонкая струйка воды. Люди расталкивают друг друга, намазываясь маленьким кусочком хозяйственного мыла. В сортир страшно заходить. Там толкуются страшные дядьки и курят «Родопи». За сигареты и хлеб некоторые больные моют полы и, вероятно, что угодно могут сделать, лишь бы не голодать и получить маленькую дозу удовольствия, которое здесь извращено и обгажено. Это была тюрьма для одиноких и бесправных больных, потерявших надежду и человеческое достоинство.

Мне повезло. У меня были родственники на воле, которые приносили мне еду и заставили персонал разрешить мне помыть голову под крапом, торчащим из стены на уровне пояса, под холодной водой. Через несколько недель меня перевели на «Шепетовку», отделение реабилитации больницы им. Степанова-Скворцова, попросту Степашки, или Скворечника. Там мне вернули мою одежду и мобильник, разрешили пользоваться библиотекой и пить чай в столовой, когда я этого захочу.

Примерно полгода я принимал «Зипрексу», потом бросил. Краски так и не вернулись за это время. Я потерял почти все прежние связи с людьми. Мой лучший друг, с которым мы дружили с детства, и Миша, мой любовник, в один голос сказали, что я всё выдумал и просто напуган, ничего серьёзного со мной не произошло. Мне было обидно до слёз. Сейчас как никогда я нуждался в дружеской поддержке, общении.

Через год, весной 2008 года, я снова начал уходить в психоз. Медленно навалились параноидальные мысли. Я держался до последнего. Перестал спать и есть. Мог час стоять в магазине и не помнить, что надо купить.

Грёзы мои отчасти продолжали то, что снилось наяву в 2007 году. Как будто бы существует заговор поваров Петербурга против меня, некая узбекская мафия хочет меня убить.

Дело в том, что в 2006 году я в течение нескольких месяцев работал поваром в японском, затем французском ресторане. В «Евразии» из меня сделали повара за три дня, научив всему. Я пошёл работать в горячий цех, «на горячку», сутки через два, по восемнадцать часов в беготне и суете на ногах. Шеф Юра сразу спросил:

– В армии был?

Я говорю:

– Нет.

- А что так?
- Мама не пустила.
- Исправим, – с усмешкой процедил Юра.

«Я щас заставлю вас бритвой пол скрести!» – орал он на меня и моего напарника Дилшота, паренька из узбекской деревни без документов и среднего образования.

Работа была адски тяжёлая. Я похудел на два размера. Перенёс на ногах воспаление лёгких, потому что необходимых выходных и больничных не давали.

...

Так вот, в моем бреде существовали две группировки поваров, узбекская, из «Евразии», и другая, из французского ресторана, где я наговорил про узбеков и «Евразию» такого, что мало не покажется.

Ещё были группировки писателей-геев и писателей-натуралов во главе с критиком Вячеславом К., который был как бы на моей стороне и хотел спасти от поваров и геев. Но сделать он это собирался следующим способом. В магазине под моим домом работал его человек. Я должен был обратиться к нему за помощью, и тогда он кастрирует меня, поможет принять ислам и эмигрировать в какую-то среднеазиатскую пустынную страну, где никто меня не достанет.

Последней ночью накануне обращения к врачу я жёг картины порнографического содержания, собирал вещи, выбрасывал «компромат». Мне

грезилось, что вот-вот придут люди от узбекских поваров, устроят «шмон» и убьют меня, если им что-то не понравится.

Я ночью позвонил маме, которая жила в соседнем доме, и сказал, что мне угрожает опасность и я срочно переезжаю к ней. Она очень испугалась. Утром они с Вовой отвезли меня в институт Бехтерева, где в это время находился заведующий дневным отделением нашего ПНД. Он взял меня под крыло и, поскольку мы сами пришли и я хотел и просил помощи, определил меня туда же, откуда я полгода назад выписался, – в Петроградский ПНД.

КОНЕЦ ОЗНАКОМИТЕЛЬНОГО ФРАГМЕНТА